

ПОБЫВКА

РАССКАЗ

Влад ШУРЫГИН

Владислав Владиславович родился в 1963 году в Евпатории.

В 1984 году окончил Львовское высшее военно-политическое училище по специальности «военно-политическая журналистика».

В ноябре 1993 года был уволен из рядов Вооружённых сил РФ. Воинское звание — капитан запаса.

С декабря 1991 года — редактор военного отдела еженедельника «Завтра».

С 1991 по 2016 год более ста двадцати раз выезжал в качестве корреспондента в ряд горячих точек.

Воевал добровольцем в Приднестровье и в Сербии. Был трижды ранен. Награждён многими орденами, медалями и знаками.

С мая 1995-го — член Союза писателей России.

Автор десяти книг и литературных сборников.

Постоянный член «Изборского клуба», военный эксперт.

Мы крепко обнимаемся.

Крепко так, как обнимаются мужчины после долгой разлуки.

— Егор, братуха! — слышу я за спиной и как ужаленный разворачиваюсь на пятках. Из головы тут же вылетает, куда я шёл и зачем: передо мной стоит — руки в брюки — Серый! Серый! В неизменной, выгоревшей добела «мабуте», стриженный под короткий ёжик. Сутулый. Худой как Кощей. Рот в улыбке до ушей, сверкает на солнце всеми тремя золотыми фиксами. И, блин, свежий, словно мы расстались только вчера...

Мы крепко обнимаемся. Крепко так, как обнимаются мужчины после долгой разлуки.

— Серый! Ёк-макарёк! Ты!

...Мы сидим в парковой беседке. Между нами стол, по которому обычно в будни стучат костяшками домино бодрые

пенсионные мужички. Но сегодня беседка пуста, и мы сидим напротив друг друга.

— ...А ты так и катаешься по войнам?

Я киваю.

— Катаюсь, но уже нечасто. Возраст уже не тот. Не то что трудно, но неудобно. Для нынешних солдат я уже почти что дед. У них командиры мне в сыновья годятся. Вот и норовят под зад подтолкнуть, когда на «бэxu» карабкаюсь. Типа подстраховать дедулю. Не олень уже. Стыдно стать для них обузой. Да и уже войн таких нет...

— Эх, видел бы ты сегодняшнюю экипировку! — вдруг со-скакиваю я на милитари стайл. — Никакой самодеятельно-сти! Помнишь ваши самопальные разгрузки? Теперь всё штат-но! И броники, и разгрузки — всё отличного качества. Обувь вашу помнишь? Кто в чём ходил, кто в кирзе ещё советской, кто в кроссовках, кто в берцах покупных. Не армия, а банда махновцев. Теперь всё как на картинках...

Серый задумчиво смотрит на меня. Потом хмыкает:

— Егор, а не пох мне, как там теперь в армии? Я своё отслу-жил. Хорошо, наверное, что теперь не так, как у нас было. Толь-ко по барабану мне всё это. Сам понимаешь...

Я растерянно киваю. Действительно, чего меня понесло не пойми куда? Не виделись столько лет — и про разгрузки, берцы...

— А как у тебя в личной жизни? — вдруг спрашивает он. — Ты тогда нам такие стихи читал классные про любовь.

Я лихорадочно пытаюсь вспомнить, как у меня было тогда, когда мы в последний раз виделись. Тогда я холостяковал. Потом был женат. Потом снова развёлся. Потом... Это уже не-важно.

— Да всё так же, один живу.

— Что, вот так прямо, совсем один? — недоверчиво подни-мает он бровь.

— Нет, ну, конечно, всякое бывает. Я подкидную доску не ло-мал и из большого спорта не уходил... Но в глобальном смыс-ле — не женат.

— А чего так?

Я задумываюсь. Рассказывать всю историю подробно — вре-мени надо много, да и не к месту. Зачем ему это? Лишняя, как говорится, информация. И я отшучиваюсь:

— Да всё ждал царевну, а с ними, сам знаешь, неурожай. Всех большевики извели. А теперь зачем уже жениться? Полтинник давно разменял... — и я растерянно смотрю на него. Разговор о возрасте как-то сейчас совсем не к месту. И я с нарочитой бодростью в голосе почти рапортую, как на встрече с одно-классниками: — Нет, правда, всё хорошо! Сын вырос. Двое внуков уже. Старший в школу осенью пойдёт. Живу для себя. Никуда уже не тороплюсь. Встречу нормальную женщину, глядишь, и склеится. Только сложно такую встретить, бро...

Я своё отслужил. Хорошо, наверное, что теперь не так, как у нас было. Только по барабану мне всё это. Сам понимаешь...

Он снова удивлённо поднимает бровь уголком — всё тем же, знакомым мне, манером.

— Кто?

— Извини, Серый. Молодёжный сленг. Бро — это по-нынешнему «брат».

— А-а-а... — протягивает он и скребёт пальцами щетину. Под ногтями я вижу ободки грязи, указательный и средний всё так же прокурены до желтизны. Видимо, это уже навсегда. — Понятно. Не ценишь ты своего счастья! Вот когда запрут тебя в клетке одного, тогда и поймёшь, что баба — это друг человека. И что она значит в человеческой жизни. А вы тут выёживаетесь, выбираете. Эта вам не та, и та вам не эта. А потом только и останется, что вспоминать и думать, какой же я дурак был.

— Наверное, ты прав, Серый, — дипломатично киваю я, хотя его идея строительства семейной жизни не вызывает у меня согласия. — Мы тут вообще ничего не ценим. Живём себе, года, как костяшки на старых счётах, слева направо перегоняем...

Серый шумно вздыхает.

— Уже двадцать три года прошло, Серый... — говорю я негромко. — Мы двадцать три года не виделись...

Меня так и тянет спросить его, как там у него, но я почему-то не решаюсь...

Лицо его мрачнеет. Он ещё сильнее сутулится. Молча достаёт из нагрудного кармана мятую пачку сигарет, из кармана штанов — зажигалку Zippo с черепом и костями, выгравированными на боковине, и на меня накатывает тёплая волна: Zippo — мой подарок! Я подарил её Серому на его день рождения, который мы отметили на следующий день после взятия Бамута. Точнее, день рождения был за три дня до этого, но в горах было не до него. А тут вспомнили. Zippo эта была мною куплена в каком-то моздокском ларьке и очень вовремя тогда оказалась в кармане...

Серый перехватывает мой взгляд и улыбается, подбрасывая её на ладони:

— Твоя! Храню!

Характерным шелчком открывает, чиркает колёсиком о кремль и прикуривает от жёлтого, как у свечи, огонька. Глубоко затягивается и медленно, с наслаждением выдыхает. Потом откидывается на спинку скамьи. Лицо снова становится хмурым. Его так и звали в роте: «Хмурым» — за это выражение лица и вечную сутулость. Это для меня он был Серым. Потому как Сергей. Механик-водитель нашей бээмпэшки, с которым мы бок о бок прожили полторы недели в апреле девяносто шестого. Станным образом Серый во мне сразу признал авторитета, величал меня «писателем» и непрерывно засыпал вопросами буквально обо всём, когда позволяла обстановка. И вообще стал мне как ординарец. Забывал лучшее место для ночлега, приносил еду себе и мне. Даже добыл где-то старую сидушку от какой-то машины, чтобы мне было удобнее

Это для меня он был Серым. Потому как Сергей. Механик-водитель нашей бээмпэшки, с которым мы бок о бок прожили полторы недели в апреле девяносто шестого. Станным образом Серый во мне сразу признал авторитета, величал меня «писателем» и непрерывно засыпал вопросами буквально обо всём, когда позволяла обстановка.

ездить сверху на броне, за что на него даже обиделся его командова Макс, у которого под задом был чёрный от грязи обычный ватник...

— У меня тут вообще мало кто остался. Мать пять лет как преставилась. Степаныч... Помнишь моего друга Ивана Дергачёва из Нижнего? — Я киваю, не очень уверенный, что в памяти моей именно он. — Иван на Второй чеченской свою пулю поймал. Есть ещё наш Петрович. Но он давно уже в попах. В деревне под Муромом в церкви. Брюхо, как у тебя, отъел. Вот с ним и вижу иногда...

Он гасит сигарету о край стола и шумно вздыхает. Потом потягивается.

— Эх, как же хорошо! Воздух — просто мёд! Не ценят люди своего счастья. Всё куда-то несутся, ловят удачу за хвост, поймают, а хвост-то крысиный... а счастье, вот оно — вздохни полной грудью! Почувствуй жизнь!

— Ага! После никотина! — подкалываю я его...

— Так после него особенно! — отбивает он подкол. — А ты книжку-то написал? — вдруг спрашивает Серый. — Ты хотел книжку написать про войну. Написал?

И я хватаюсь за вопрос как за соломинку.

— Да! И про роту нашу, то есть вашу, в ней есть рассказы. Там, конечно, имена другие и события изменены, но всё узнаваемо...

— Ух ты! Почитать бы!

— Так в Сети всё выложено, можно найти, — почти на автомате говорю я и тут же осекаюсь. В его краях Интернета нет... — Помнишь твою историю, как ты чеченку с сыном прямо через боевиков провёз в госпиталь? Когда он на mine подорвался, ногу ему искромсало. А чечи дорогу перерезали, и ты прямо на них с их флагом зелёным попёр...

— Помню! — в глазах Серого вспыхивают лукавые огоньки. — Думал, от страха обос...сь. Либо на подъезде сожгут, либо, когда подъеду, голову отрежут. Но пропустили. Не звери были...

— Вот об этом есть рассказ, — довольно говорю я, — и про то, как у соседей-взвэшников бабу украли...

— Ну, не украли, положим, а выкупили на пару дней за ящик прокисшего чешского пива, — весело подхватывает Серый, — его в разбитом магазине нашли. Кисляк! Но вованы-то не знали. Устроили с ними «чечч»*. Видел бы ты их рожи, когда мы через два дня её им обратно привезли. Но всё по-честному. Мы же не знали, что оно скисло...

— Так одно же попробовали?

— И что? Петрович потом в эту бутылку дос...ал до полной и пробку обжал.

Этой детали я уже не знал...

— Сурово вы с ними...

— Да козлы они были. Мародёрничали и беспределили. А нам за них от чечей прилетало. Один у них был светлый человек — Светлана, широкой души женщина. Никому не отказывала...

— Эх, как же хорошо! Воздух — просто мёд! Не ценят люди своего счастья. Всё куда-то несутся, ловят удачу за хвост, поймают, а хвост-то крысиный... а счастье, вот оно — вздохни полной грудью! Почувствуй жизнь!

* Обмен, от англ. change, чейндж.

- Вот обо всём этом моя книга.
- И вот так прямо, как было, и написал?
- Да! — с гордостью говорю я.
- Серый улыбается, глядя на меня.
- Когда вышла?
- Десять лет назад.
- Давно. А ещё?

Я смешался. Вопрос был под дых...

— Да как-то не срослось, — смутился я, — в стол пишу. Деньги нужно зарабатывать. — И вспоминаю, что «в столе» лежат лишь пара начатых, но так и не дописанных повестей да десяток полузабытых черновиков. — Писательство сегодня не кормит...

— Да-а-а, не весело, — говорит Серый, но в его голосе я не слышу участия — скорее, разочарование. — Стол — не книжная полка, жизнь-то проходит...

В груди эклектической сваркой вспыхивает раздражение. Что мне ему объяснять? Что гонорар за книжку сегодня меньше, чем зарплата дворника-узбека? И тот её каждый месяц получает, а книгу написать — это полгода минимум...

— Проходит... — соглашаюсь я. — Такие нынче времена.

— Так, а живёшь-то для чего тогда? — неожиданно почти хамски, в лоб спрашивает Серый. — Ты же ярый был, смелый! Помнишь, тогда под Бамутом рассказывал про то, как Россию олигархи захватили. Про то, что объединяться надо, что бороться надо против них. Я тогда тебя слушал и думал: вот, блин, умеет человек всё понятно и ясно по полочкам разложить — кто за нас, кто против и что делать. Я даже хотел, как вернусь, найти этих самых... ну, как их... — он морщит лоб, пытаюсь вспомнить, — в «Белом доме» которые сидели, националисты...

— Баркашовцы? — вспоминаю я.

— Вот-вот! Баркашовцы. Думал вступить. Из-за тебя, между прочим...

Я молчу. Мне нечего сказать. Баркашовцы теперь — такое моё далёкое прошлое, что, если бы Серый не напомнил, я сам бы и не вспомнил...

— Нет, Серый, больше баркашовцев, и вступать больше некуда. Только в «Единую Россию», но это уже полный «зашквар»...

— Вот так прямо и «зашквар»? — хмыкает он. — И больше некуда вступать? Небогатый у вас выбор. А с олигархами как? Всех извели?

— Одних извели, другие выползли, — мрачно отвечаю я.

Серый задумчиво трёт щетину на подбородке.

— В общем, понятно... Россию ты так и не освободил. Не женился. Детей больше не родил. Книжки больше не пишешь. Одни сплошные «не». А я по-другому твою жизнь себе представлял...

Помнишь, тогда под Бамутом рассказывал про то, как Россию олигархи захватили. Про то, что объединяться надо, что бороться надо против них. Я тогда тебя слушал и думал: вот, блин, умеет человек всё понятно и ясно по полочкам разложить — кто за нас, кто против и что делать.

Обида ожогом впивается в душу. Я не выдерживаю и зло, обиженно цежу:

— Конечно! Всё я! Не освободил, не сделал, не спас, не написал. А с тебя какой спрос? С тебя спросу нет! Ты погиб в девяносто шестом. И на этом всё!

Я вижу, как лицо его мгновенно каменеет. Каменеет так страшно, что на глазах превращается в высеченный на мраморном угольном граните портрет. И я уже в ужасе ору:

— Не-е-ет! Серёга, брат, прости! Не уходи! Ты во всём прав! Ни хера я своею подаренной жизнью не смог толком распорядиться! Ничего толком не сделал. Просто прожил, бл..., спустил годы в унитаз. Плыл по течению, как бревно...

Я закрываю лицо руками, чувствуя едкую горечь под веками.

— Ну ладно тебе! — слышу я вдруг знакомый голос. — Ты ещё зареви мне тут...

Я торопливо убираю ладони от лица. Сергей по-прежнему сидит напротив меня за изъеденным дождями бугристым столом парковой беседки. Он смотрит на меня долго-долго, и в глазах его нет ни печали, ни обиды.

— Я же не судить тебя пришёл. Меня просто отпустили. На побывку, так сказать. Вот о тебе и вспомнил. Интересно с тобой было, прикольно. Писатель! Вот и захотелось увидеть, поболтать...

Я с удивлением смотрю на него.

— Вот прямо ко мне?

Он кивает.

— Прямо к тебе. Не к кому больше. Про мать я тебе сказал. А брат через два года после меня от «палёнки» рядом со мной улёгся. И больше никого. Ни жены, ни детей. Всё тоже царевну ждал. И дождался! В голову...

...Серый погиб девятого августа. Его рота попала в засаду на площади за Координационным центром, к которому смогла пробиться сквозь все заслоны боевиков. Пробились и пошла на выручку окружённой пехоте, и сама попала в засаду. Его БМП подожгли первым же выстрелом «граника». Серый с пулемётом прикрывал отход. Но сам выйти из мешка не смог. Его тело нашли только через неделю...

И на меня снова накатывает волна стыда.

— Ты прости меня, Серёга. Жизнь я действительно прожил не пойми как...

— Да хватит тебе! — обрывает он меня с раздражением. — Мне моралей Петровича по горло! Ещё ты тут будешь! Я не в сорок первом под Москвой лёг. А в центре Грозного. Того, который мы за два года в руины превратили. И не за Родину, за Сталина, а за три миллиона рублей в месяц — за пятьсот долларов «контрактных». Потому что ни работы, ни зарплаты в моём Иванове не было. Так что не надо! Никто мне ничего не должен. И я — никому! И покаяния твоего мне не надо. Ты же не за меня, а за себя живёшь. Думаешь, кто-то другой

...Серый погиб девятого августа. Его рота попала в засаду на площади за Координационным центром, к которому смогла пробиться сквозь все заслоны боевиков. Пробились и пошла на выручку окружённой пехоте, и сама попала в засаду. Его БМП подожгли первым же выстрелом «граника». Серый с пулемётом прикрывал отход. Но сам выйти из мешка не смог.

правильно живёт? Ты же не первый, с кем свиделся. Кто бухает по-чёрному, кто бомжует, кто по тюрьмам пошёл. Такая вот теперь наша бешеная разведрота. Самые нормальные женились, детей завели и теперь льготами трясут где надо и где не надо. Ветераны, блин... Петрович вон один за всех молится, ну так это Петрович...

Серый проводит рукой по ёжику волос, и пальцы его вдруг липко чернеют. Он поворачивает их к солнцу, и я вижу, что это алая кровь...

Пуля снайпера попала Серёге в висок над правым ухом.

— Пора, — спокойно говорит он, — мне пора.

Легко встаёт. Я тяжело, медведем выбираюсь за ним из-за стола.

Он с усмешкой смотрит на меня.

— Да, пятьдесят — не тридцать...

— Это точно, — соглашаюсь я.

...В девяносто шестом нам обоим было по тридцать...

По заросшей мхом крыше беседки начинает глухо барабанить дождь, набирая силу и превращаясь в сизую ливневую пелену.

Он коротко обнимает меня, и под выцветшей «афганкой» я чувствую крепкое, тёплое тело. Потом он выходит под дождь, и струи тут же начинают жадно расчерчивать его белую «афганку» в серую косую линейку. Он делает пару шагов, потом неожиданно оборачивается:

— Знаешь, я за мужиков наших воевал. За Иваново своё, что-бы эти туда не пришли... А деньги... Галыгина помнишь, прапора нашего? Ему мою зарплату отдали, чтобы матери отвёз. Так он ещё до Москвы её пропил. Деньги — херня! Ну, бывай, писатель! Увидимся! Только не спрашивай, когда, я и сам не знаю...

Я слышу, как крупные капли дождя глухо стучат по его плечам и где-то далеко-далеко третьим петухом верещит будильник...

По заросшей мхом крыше беседки начинает глухо барабанить дождь, набирая силу и превращаясь в сизую ливневую пелену.
